

ФИБУЛЫ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ С ГОРОДИЩА УФА-II

Е. В. Русланов, Р. Р. Русланова

FIBULAS OF THE ERA OF GREAT MIGRATION FROM UFA-II HILLFORT

E. Ruslanov, R. Ruslanova

Ключевые слова: фибулы, эпоха раннего средневековья, Уфимско-Бельское междуречье, городище Уфа-II, Бирский могильник, позднесарматское время, миграции, турбаслинская культура

В статье рассмотрены двучленные «воинские» фибулы с памятника эпохи раннего средневековья городище Уфа-II. Проанализированы их морфологические особенности, определен круг аналогичных изделий из синхронных погребальных памятников. Опираясь на существующие хронологические схемы, установлено возможное время появления и бытования описываемых фибул в лесостепном Приуралье. На основе проведенного исследования авторами предложен возможный характер поступления застезек на территорию Уфимско-Бельского междуречья.

Keyword: fibulas, early Middle Ages, area between the Ufa-Belaya rivers, hillfort Ufa-II, Birsk burial, Late Sarmatians, migration, Turbasly culture

As follows from the title of the article, it describes binomial “war” fibulas from the monument of early Medieval hill fort Ufa-II. The authors analyzed their morphological features and found analogy from synchronized funerary monuments. On the basis of known chronological schemes, we have determined their date. The authors suggest ways of their (i.e. claps) possible appearance in the territory between the rivers Ufa and Belaya.

Разработка хронологии средневекового городища Уфа-II для южноуральской и евразийской археологии является в настоящее время актуальной задачей [Сунгатов, Левченко, 2014. С. 44]. Для установления времени функционирования памятника могут помочь металлические застезки-фибулы – удобный, надежный и достаточно информативный хронологический репер. Фибулы позволяют реконструировать некоторые важные аспекты жизнедеятельности: этнические, мировоззренческие, ремесленные, миграционные, торговые; отражают половозрастной, социальный и имущественный статус своих владельцев [Сабинова, 2013. С. 111-118]. Будучи одним из наиболее распространенных украшений у многих племен и народов, населявших Европу, и постоянно изменяя форму и стиль, фибулы являются одним из основных датированных артефактов [Амброз, 1966. С. 5; Кропотов, 2011. С. 168-177].

Фибулы с памятников первой половины I тыс. н.э. Башкирского Приуралья часто выступали в роли датированного источника [см.: Мажитов, 1968. С. 17-25; Васюткин, Калинин, 1986. С. 107; Агеев, 1992. С. 38; Сунгатов, 1998; Ов-

сянников и др., 2007]. Фибулы с городища Уфа-II также могут выступить в роли хрономаркирующих предметов.

Сам памятник находится в центре современного города Уфа, на мысу, образованном двумя глубокими оврагами. Материалы городища и проведенный радиоуглеродный анализ позволили ограничить время бытования памятника первой половиной II – XIV вв. н.э. [Сунгатов, Левченко, 2014. С. 44-55; Levchenko, Sungatov, 2013. P. 1278-1285]. Рассматриваемые фибулы обнаружены в 2008 г. [Мажитов и др., 2009. С. 108. Рис. 161, б. С. 119. Рис. 3] (рис. 1).

Фибула 1, изготовленная из бронзы (рис. 1, 1), найдена в слое серозема серо-коричневого цвета с примесью угля и содержанием мелких фрагментов дерева, в непосредственной близости от фрагментов деревянного настила. Совместно с нею зафиксированы фрагменты керамики турбаслинской и кушнаренковской культур. Фибула сохранилась частично – отсутствует игла и иглоприемник. Длина сохранившейся части 5,2 см, ширина 3,7 см, диаметр ножки 0,4 см. Фрагментарность изделия затрудняет отнесение её в си-

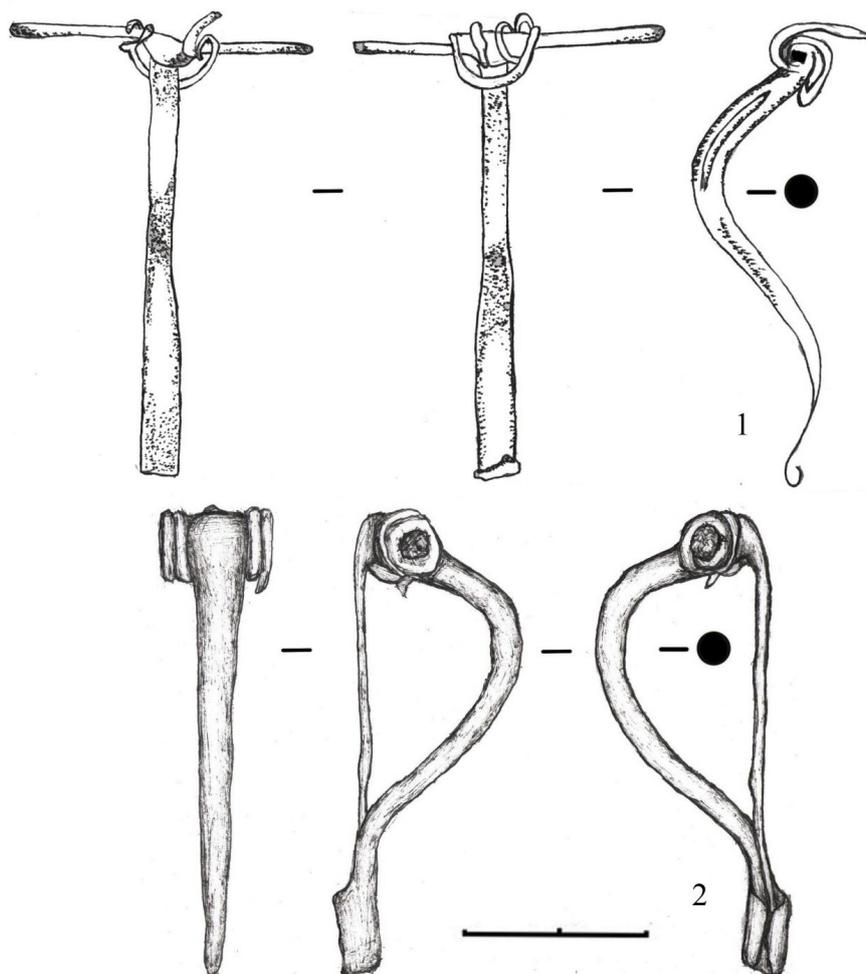

Рис. 1. Фибулы, найденные на территории городища Уфа-II: 1 – фибула 1 (кв. К6, гор. 7); 2 – фибула 2 (депаспортизована) Рис. Е. В. Русланова

стематике фибул Восточной Европы, разработанной А.К.Амброзом [Амброз, 1966]. Вместе с тем, некоторые конструктивные особенности (сплошной приемник, лишенный дополнительных украшений; раскованность нижней трети спинки; отсутствие следов подвязного механизма; корпус, соединенный с пружиной при помощи вертикальной пластинки с отверстием; четырехугольный бронзовый штырек с намотанной на него пружиной), могут указывать на отнесение этой фибулы к группе 17 двучленных «воинских» фибул [Там же. С. 70-72]. Отсутствие приемника не позволяет более точно отнести застежку к какой-либо подгруппе.

Фибула 2, также изготовленная из бронзы, к сожалению, депаспортизована (рис. 1, 2). Сохранилась полностью. Длина изделия 6 см, ширина 1,2 см. Для изготовления использовался прут диаметром 0,4 см. Учитывая конструктивные особенности, фибула отнесена к варианту 2 с широким кольцом для оси пружины подгруппы 1 группы 17 двучленных воинских фибул с узкой ножкой [Там же. С. 71. Табл. 10, 16].

Ближайшие аналогии уфимским фибулам можно найти в материалах Бирского (III-VIII вв.) [Султанова, 2000], Тураевского I (IV-V вв.) [Голдина, Бернц, 2010], Тарасовского могильников (I-V вв.) [Голдина, 2003, 2004] – реперных памятников для рассматриваемого периода и региона.

Описание комплексов и погребений Тарасовского и Тураевского I могильников достаточно подробно дано авторами раскопок [Голдина, 2003. Табл. 174, 5; 639, 1-1; 664, 6; 680, 1-10; 692, 2; Голдина, 2004. С. 75, 262, 271, 275, 280; Голдина, Бернц, 2010. С. 55. Табл. 157, 2]. В свою очередь, Бирский могильник, часть материалов которого до сих пор известна широкому кругу специалистов по монографии Н.А.Мажитова 1968 г. (материалы 1981, 1983-1985, 1990 и 1991 гг. раскопок комплексно в научный оборот не введены), заслуживает более подробного освещения. Особое внимание к бирским фибулам связано еще и с тем, что морфологически они наиболее близки застежкам, найденным на городище Уфа-II.

Одна из фибул происходит из погребения №114 Бирского могильника (рис. 2, 5). Погребе-

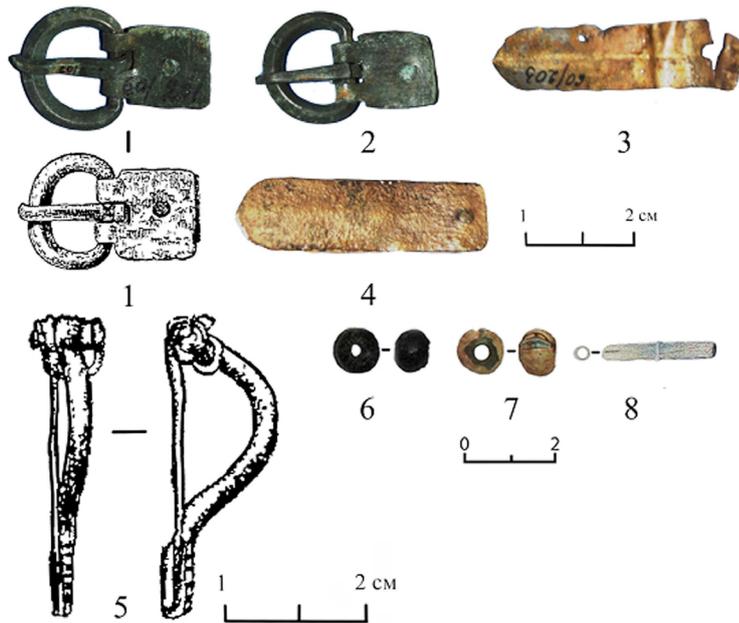

Рис. 2. Бирский могильник. Материал из погребения 114:
1, 2 – пряжки; 3, 4 – наконечники ремня; 5 – фибула; 6-8 – бусы
(рис. по: [Мажитов, 1968. Табл. 5, 19; 8, 3]; фото авторов)

ние было исследовано в 1960 г. Могильная яма, размерами 2×0,6 м, глубиной 0,78 м, была ограблена в древности, кости человека разбросаны. Совместно с фибулой найден железный нож, две бронзовые округлые пряжки с длинным прогнутым язычком и короткими прямоугольными щитками для крепления к ремню и несколько бусин (рис. 2, 1-4, 6-8) [Мажитов, 1968. С. 12, 14. Табл. 5, 19. С. 100. Табл. 8, 3].

Вторая фибула происходит со сборов на поверхности некрополя [Мажитов, 1968. Табл. 8, 4].

Еще одна фибула найдена в погребении 260 Бирского могильника, раскопки 1981 г. (рис. 3, 8)¹. Судя по отчету, размеры могильной ямы 0,9×0,6 м, глубина 1 м. Костяк (определен автором раскопок как подростковый) средней сохранности (череп раздавлен), лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад, кости рук положены вдоль тела. Вокруг черепа расчищено ожерелье из стеклянных бус и раковины каури, там же найдена железная проволоочная гривна. На груди располагалась бронзовая фибула. Справа под тазовыми костями находилась железная пряжка, поверх бедренных костей погребенного обнаружена трубчатая кость животного [Мажитов, 1981. С. 3].

Первую и вторую фибулы с Бирского могильника Н.А. Мажитов датировал первыми веками нашей эры [Мажитов, 1968. С. 18], отнеся их к кругу зарубинецких древностей (к воинским

«полуримским» фибулам), выделенных А.К. Амброзом [Амброз, 1959. С. 185, 190. Рис. 15-16]. Это, по-видимому, смутило исследователя, т.к. весь остальной материал в массе своей относился к более позднему времени. Это заставило его не использовать в хронологических построениях найденные фибулы, отдав предпочтение пряжкам и, «ради осторожности», отнести комплексы с фибулами к переходному периоду – IV-V вв. н.э.

Рассмотрение коллекции Бирского могильника в настоящее время позволяет уточнить время появления двучленных «воинских» фибул в Уфимско-Бельском междуречье. Наличие в захоронении 260 овально-рамчатой пряжки с прогнутым язычком позволяет отнести весь комплекс к группе вещей, характерных для погребений III-IV вв. [Султанова,

2000. С. 73-74]. Сопроводительный бусинный материал обоих погребений Бирского могильника относится к IV – первой половине V вв. н.э. [Русланова, 2014. Прил. 2. Табл. 72. С. 67. Табл. 73. С. 80]. Глубина могильной ямы не характерна для населения, оставившего раннюю часть Бирского могильника (раннебахмутинский этап). Все это позволяет датировать комплекс IV в. н.э., а железную проволоочную гривну считать реминисценцией.

В своей давно ставшей классической работе А.К. Амброз время бытования двучленных воинских фибул относит к IV в. н.э. [Амброз, 1966. С. 70]. Н.А. Лещинская датирует «воинские» двучленные фибулы также IV в. с небольшой оговоркой – «вероятно, без последней четверти» [Лещинская, 2014. С. 172]. Подобные фибулы в памятниках рязано-окского междуречья И.Р. Ахмедов и И.В. Белоцерковская [Ахмедов, Белоцерковская, 2007. С. 143], опираясь на разработки И.А. Бажана и О.А. Гей, относят к периоду 3 черняховской культуры (310/320–350/355 гг.) [Гей, Бажан, 1997. С. 47-48. Табл. 68]. Поздняя дата для двучленных «воинских» фибул дана Е.Л. Гороховским, который определяет время их бытования на территории лесостепной Украины второй третью – третьей четвертью IV в. н.э. [Гороховский, 1988. С. 44]. И.О. Гавритухин и А.М. Воронцов появление застежек типа Амброз 17 на территории центральной России относят к IV в.

¹ Выражаем благодарность Н.А. Мажитову и А.Н. Султановой за возможность использовать неопубликованные материалы. Фибула хранится в фондах учебно-научной археологической лаборатории ФГБОУ ВПО БашГУ (шифр КО У36/164).

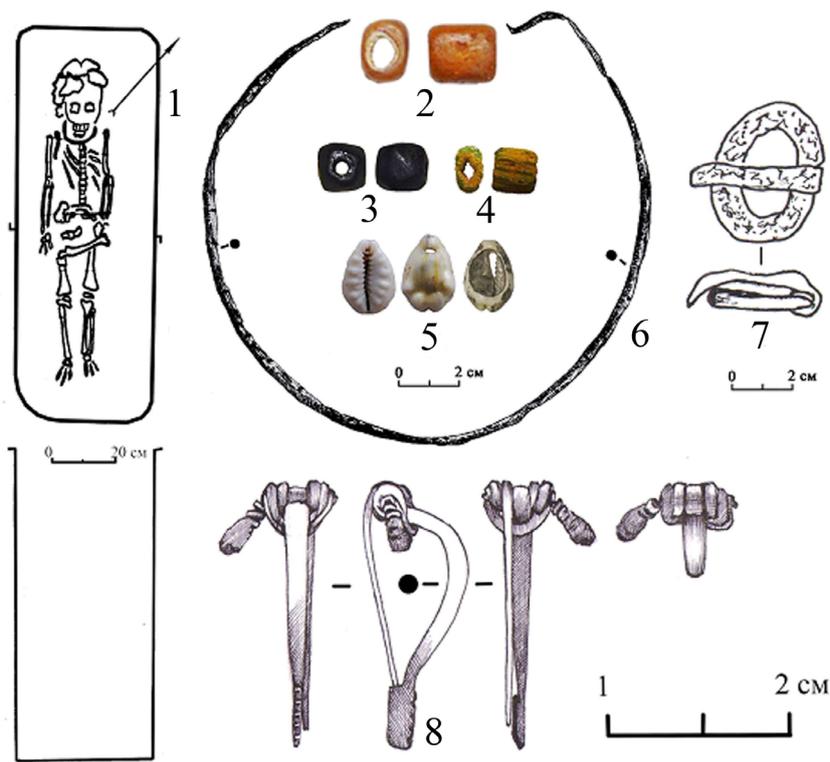

Рис. 3. Бирский могильник. Погребение 260:
 1 – могильная яма; 2-4 – бусы; 5 – раковина каури; 6 – гривна;
 7 – пряжка; 8 – фибула (1, 6, 7 – по [Мажитов, 1981])

н.э. [Гавритухин, Воронцов, 2008. С. 28-85]. М.М.Казанским появление в Крыму фибул группы Амброз 17 и их имитаций из железа отнесено к периоду С3 и D1 (соответственно 310/330-360/370 и 360/370-400/410) [Казанский, 2006. С. 28]. На схожих позициях находится А.А. Красноперов, относя «воинские» застёжки Тарасовского могильника ко второй группе мазунинских древностей. К слову, конкретных дат в отношении этой группы им не приведено, но частые отсылки к монографии Т.И. Останиной заставляют искать их в ней. Исходя из контекста его работы

и опираясь на хронологические выкладки, приведенные Т.И.Останиной, эта группа, а вместе с ней и интересующие нас фибулы, датируются концом IV – началом V вв. н.э. [Останина, 1997. С. 296. Рис. 51; Красноперов, 2008. С. 117-129].
 Опираясь на датировки, предложенные исследователями и с учетом запаздывания, появление застёжек типа Амброз 17 на территории Уфимско-Бельского междуречья следует относить ко времени не ранее конца IV – первой половины V в. н.э.
 Распространение подобных фибул в Уфимско-Бельском междуречье уместно связывать с активностью населения, оставившим позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья и Заволжья [Лещинская, 2010. С. 138], а также Западного Приуралья и Нижнего Поволжья [Сунгатов, 1998. С. 104]

в предтурбаслинское время. Реальность этого сюжета объясняет дальнейшую «безболезненную» инфильтрацию носителей турбаслинских культурных традиций в среду бахмутинских племен. Бесперывный приток в регион новых волн мигрантов, возможно, родственных между собой [Там же. С. 105], снивелировал враждебную реакцию автохтонного бахмутинского населения, спровоцировав начало интеграционных процессов, в конечном итоге приведших к сложению смешанной бахмутинско-турбаслинской культурной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
 Амброз А.К. Фибулы зарубинецкой культуры // МИА. 1959. №70. С. 184-190.
 Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. / САИ. 1966. Вып. Д1-30. 142 с.
 Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2007. С. 133-273.
 Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы

в низовьях реки Белой. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95-122.
 Гавритухин И.О., Воронцов А.М. Фибулы Верхнеокско-Донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. 397 с.
 Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.: ИА РАН, 1997. 144 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. II: Иллюстрации. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. I: Текст-каталог погребений. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник — уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 499 с.

Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев: Наукова думка, 1988. С. 34-46.

Казанский М.М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим. Киев: Стило, 2006. С. 26-41.

Красноперов А.А. Бирский и Тарасовский могильники: сравнительная характеристика датирующих возможностей комплексов с фибулами // УАВ. Вып. 8. 2008. С. 117-129.

Кропотов В.В. Значение фибул в комплексном изучении погребального обряда сарматов // Погребальный обряд ранних кочевников. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. С. 165-172.

Лецинская Н.А. Фибулы Тарасовского могильника: информационный потенциал // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всерос. науч. конф. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. С. 134-144.

Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I-V вв. н.э.) / Материалы и исследования

Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск, 2014. 472 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 161 с.

Мажитов Н.А. Отчет о раскопках Бирского могильника в БАССР в 1981 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. №8674, 8674а.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Исмагилов Р.Б., Бахшиева И.Р. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2008 года. Т. III. Уфа: ГУП РБ УПК, 2009. 386 с.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Русланова Р.Р. Бусы могильников Уфимско-Бельского междуречья III-VIII вв. Дисс. на соиск. ученой степени канд. ист. наук. Казань, 2014. 218 с.

Сабирова Т.М. Изучение прикамских фибул в отечественной археологии // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 1. С. 113-118.

Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика. Дисс. на соиск. ученой степени канд. ист. наук. Уфа, 2000. 202 с. / Архив учебно-научной археологической лаборатории БашГУ. Ф. 7. Д. 242.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура. Уфа: Гилем, 1998. 169 с.

Сунгатов Ф.А., Левченко В.А. Хронология средневекового городища Уфа-II по данным радиоуглеродного датирования культурных отложений // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. Т. 19. 2014. №1. С. 44-56.

Levchenko Vladimir A., Sungatov Flarit A. Building the radiocarbon chronology for the archeological site Ufa-II, Bashkortostan, Russia: is this the elusive «Bashkort» of medieval sources? // Radiocarbon. Vol. 55. Nr. 2-3. 2013. P. 1278-1285.

REFERENCES

Ageev B.B. Pyanoborskaya kultura [The Pyany Bor culture] Ufa: BNTs UrO RAN, 1992. 140 s.

Ambroz A.K. Fibulyi zarubinskoy kulturyi [The fibulas of Zarubinskaya culture] // MIA. 1959. №70. S. 184-190.

Ambroz A.K. Fibulyi yuga Evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e – IV v.n.e. [The fibulas of the south of European part of the USSR, II BC – IV AD] // SAI. 1966. Vyip. D1-30. 142 s.

Ahmedov I.R., Belotserkovskaya I.V. Kultura ryazano-okskih mogilnikov [Culture of the Ryazan-Oka burial grounds] // Vostochnaya Evropa v sere-dine I tysyacheletiya n.e. / Ranneslavianskiy mir. Vyip. 9. M.: IA RAN, 2007. S. 133-273

Vasyutkin S.M., Kalinin V.K. Novo-Sasyikulskiy mogilnik [The New-Sasykul burial ground] // Arheologicheskie raboty v nizovyah reki Beloy. Ufa: BFAN SSSR, 1986. S. 95-122

Gavrituhin I.O., Vorontsov A.M. Fibulyi Verh-neosko-Donskogo vodorazdela: dvuchlennyye prognutyie podvyeznyie i so sploshnyim priemnikom [The fibulas of the Upper Oka-Don watershed: binomial bent tethered ones and those with a continuous receiver] // Lesnaya i lesostepnaya zonyi Vostochnoy Evropyi v epohi rimskih vliyanii i Velikogo peregeleniya narodov. Vyip. 1 / Otv. red. A.N. Naumov. Tula: Gos. muzey-zapovednik «Kulikovo pole», 2008. 397 s.

- Gey O.A., Bazhan I.A.* Hronologiya epohi «gotских pohodov» (na territorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza) [Chronology of the epoch of “Goth hikes” (on the territory of Eastern Europe and the Caucasus)]. M.: IA RAN, 1997. 144 s.
- Goldina R.D.* Tarasovskiy mogilnik I-V vv. na Sredney Kame. T. II. Illyustratsii [Tarasovo burial ground of I-V AD on the Middle Kama]. Izhevsk: Udmurtiya, 2003. 721 s.
- Goldina R.D.* Tarasovskiy mogilnik I-V vv. na Sredney Kame. T. I. Tekst-katalog pogrebeniy [Tarasovo burial ground of I-V AD on the Middle Kama]. Izhevsk: Udmurtiya, 2004. 318 s.
- Goldina R.D., Bernits V.A.* Turaevskiy I mogilnik – unikalnyy pamyatnik epohi velikogo pereseleniya narodov v Srednem Prikame (beskurgannaya chast) [Turaevo I – a burial ground as a unique monument of the epoch of Great migration on the middle Kama area (the moundless part)] / Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arheologicheskoy ekspeditsii. T. 17. Izhevsk: Udmurtskiy universitet, 2010. 499 s.
- Gorohovskiy E.L.* Hronologiya chernyahovskikh mogilnikov lesostepnoy Ukrainy [Chronology of Chernyakhov burial grounds of forest-steppe Ukraine] // Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arheologov-slavistov. T. 4. Kiev: Naukova dumka, 1988. S. 34-46.
- Kazanskiy M.M.* Germantsyi v Yugo-Zapadnom Kryimu v pozdnerimskoe vremya i v epohu Velikogo pereseleniya narodov [The Germans tribes in South-West Crimea in Late Roman time and in the epoch of Great migration] // Gotyi i Rim. Kiev: Stilos, 2006. S. 26-41.
- Krasnoperov A.A.* Birskiy i Tarasovskiy mogilniki: sravnitel'naya harakteristika datiruyuschih vozmozhnostey kompleksov s fibulami [The Birsk and Tarasovo burial grounds: comparative description of dating possibilities of complexes with fibulas] // Ufimskiy arheologicheskii vestnik. Vyip. 8. 2008. S. 117-129.
- Kropotov V.V.* Znachenie fibul v kompleksnom izuchenii pogrebal'nogo obryada sarmatov [The importance of fibulas in the complex study of funeral ceremony of Sarmatians] // Pogrebalnyy obryad rannih kochevnikov. Materialy i issledovaniya po arheologii Yuga Rossii. Vyip. III. Rostov-na-Donu: YuNTs RAN, 2011. S. 165-172.
- Leschinskaya N.A.* Fibulyi Tarasovskogo mogilnika: informatsionnyy potentsial [The fibulas of the Tarasov burial ground: informative potential] // Arheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyita vzaimodeystviya cheloveka, prirody, obschestva (XIII Baderovskie chteniya): Materialy Vseros. nauch. konf. Izhevsk: Udmurtskiy universitet, 2010. S. 134-144.
- Leschinskaya N.A.* Vyatskiy kray v pyanoborskuyu epohu (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov I-V vv. n.e.) [The Viatka kraj in the Pyany Bor epoch (on materials of funeral monuments of I-V AD)] / Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arheologicheskoy ekspeditsii. T. 27. Izhevsk, 2014. 472 s.
- Levchenko Vladimir A., Sungatov Flarit A.* Building the radiocarbon chronology for the archeological site Ufa-II, Bashkortostan, Russia: is this the elusive «Bashkort» of medieval sources? // Radiocarbon. Vol. 55. Nr. 2-3. 2013. P. 1278-1285.
- Mazhitov N.A.* Bahmutinskaya kultura [The Bahmutino culture]. M.: Nauka, 1968. 161 s.
- Mazhitov N.A.* Otchet o raskopkakh Birskogo mogilnika v BASSR v 1981 g. [Report on excavations of Birsk burial ground in BASSR in 1981] // Nauchnyy arhiv IA RAN. R-I. №8674, 8674a.
- Mazhitov N.A., Sungatov F.A., Sultanova A.N., Ismagilov R.B., Bahshieva I.R.* Gorodische Ufa-II. Materialy raskopok 2008 goda. T.III. [The hillfort Ufa-II. Materials of excavations of the year 2008]. Ufa: GUP RB UPK, 2009. 386 s.
- Ovsyannikov V.V., Savelev N.S., Akbulatov I.M., Vasilev V.N.* Shipovskiy mogilnik v lesostepnom Priurale [The Shipovo burial ground in forest-steppe Trans-Urals]. Ufa: Gilem, 2007. 166 s.
- Ostanina T.I.* Naselenie Srednego Prikamya v III-V vv. [The population of the Middle Kama in III-V centuries AD]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyika i literatury UrO RAN, 1997. 327 s.
- Ruslanova R.R.* Busyi mogilnikov Ufimsko-Belskogo mezhdurechya III-VIII vv. [Beads of burial grounds of the Ufa-Belsky interfluvium in III-VIII centuries AD]. Diss. na soisk. uchenoy stepeni kand. ist. nauk. Kazan, 2014. 218 s.
- Sabirova T.M.* Izuchenie prikamskikh fibul v otechestvennoy arheologii [The study Kama area fibulas in domestic archeology] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2013. Vyip. 1. S. 113-118.
- Sultanova A.N.* Birskiy mogilnik: istoriko-arheologicheskaya harakteristika [Birsky burial: historical and archaeological characteristics]. Diss. na soisk. uchenoy stepeni kand. ist. nauk. Ufa, 2000. 202 s. // Arhiv uchebno-nauchnoy arheologicheskoy laboratorii BashGU. F. 7. D. 242.
- Sungatov F.A.* Turbaslinskaya kultura [The Turbasly culture]. Ufa: Gilem, 1998. 169 s.
- Sungatov F.A., Levchenko V.A.* Hronologiya srednevekovogo gorodischa Ufa-II po dannym radiouglerodnogo datirovaniya kulturnykh otlozheniy [Chronology of the medieval fort hill Ufa-II according to radiocarbon dating of cultural deposits] // Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan. T. 19. 2014. №1. S. 44-56.